

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 8 (44)

(Продолжение. Начало в
выпуске 43).

Стремление Инал-ипа обязательно обосновать садзскую идентичность как прямо абхазскую или североабхазскую, при легких диалектных различиях, сталкивается с непреодолимым препятствием в факте того, что страна садзов считалась самостоятельной историко-этнографической областью. Самостоятельное политическое существование и географический барьер в виде Бзыби делает очень мало правдоподобной версию тождества садзов с абхазами. В различные периоды своего существования Джигетия-Садз могла быть ближе к Абхазии, чем к Черкесии, но эти сближения с соседями, вполне вероятно сопровождавшиеся и лингвистическим влиянием, не дают нам веских оснований считать садзов этносом абхазского или адыгского происхождения. Они, вероятно все, прямые потомки абазгов при весьма значительном участии в процессе их этногенеза зихов-адыгов. Возможно, что зихское участие в этногенезе было определяющим — отсюда и наименование страны и этноса как джигетских. Вероятен и такой сценарий, при котором северная часть абазгов — будущее ядро садзов — на определенном этапе предпочла войти в состав Зихского этнополитического союза и резко отделилась от царства Абхазов-Абазгов. Так за этой группой закрепилось чисто внешнее, не отражающее этнической сути, наименование зихов-джиков. Потом собственноручно зихи-адыги получили новое внешнее наименование черкесов, которое не сразу распространилось на убыхов и садзов. Грузинские авторы по вековой традиции сохраняли за садзами их зихскую «этикетку». Они отмечали, что сразу за джиками живут черкесы. Позже и самих джиков стали все чаще идентифицировать как черкесов и как часть Черкесии. Эта традиция утвердилась в первой половине XIX в.

5. Убыхи как источник адыгского влияния на садзов.

В XIX в. убыхи являлись, в массе своей, двуязычным этносом, владея как своим исконным языком — убыхским — так и адыгским. На протяжении первой половины XIX в. убыхи стремительно теряли свой родной язык и переходили на адыгский. (Лавров Л. И. Этнографический очерк убыхов // Ученые записки. Т. VIII. Майкоп, 1968. С. 6, 8).

В 1830 г. коллежский секретарь Тауш составил «Описание

Садзы — джигеты. Происхождение и историко-культурный портрет абазинского субэтноса.

черкесских закубанских племен, принадлежащих к правому флангу Кавказской линии, именно: абадзех, шапсух, натухажцев и абазинцев». Под абазинцами Тауш имел в виду общества Вардане, Саше, Убых, Хамиш, Артыкуадж, Геш. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 102. Л. 2 — 2 об.). «Черкесские племена, — отмечал Тауш, — живущие за Кубанью, на правом фланге Кавказской линии, суть: Абедзяхи, Шапсуги, Натухажцы и Абазинцы; их жилища расположены от Белой речки по Кубани до устья оной, на пространстве 270 верст; от устья Кубани вдоль по берегу Черного моря до укрепления Гагры, на 250 верст». Таким образом, абазинцы, представленные у Тауша убыхами и садзами, составляют часть населения Черкесии, которая осмысливается аналитиком как цельное пространство, но, в то же время, автор избегает этого названия.

В 1834 г. И. Бларамберг считал возможным говорить об «адыгейском происхождении» убыхов и саше. (Бларамберг И. Историческое, топографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 126).

В 1834 г. составители «Карты Кавказского края с пограничными землями» очень четко отобрали абазинские округа Черкесии — Бибердухадж, Босхог, Казылбек-Куадж и др., но с ошибками в локализации. (Карта Кавказского края с пограничными землями. Составлена при генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1834 году // Отдел картографирования РГБ. Ко 21 / VIII-62).

Ф. Ф. Торнау в 1835 г. отмечал в этой связи: «Я не успел познакомиться с их народным языком, потому что убыхи, с которыми я встречался, всегда говорили по-черкесски». (Секретная миссия... С. 174). Кроме того, Торнау прямо указывает на адыгское происхождение князя общества Саше (северной отрасли садзов) писал Ф. Ф. Торнау: «Сел. Сочипсы, или Облагуквадж, расположено по обеим сторонам р. Сочи... Князь Али Ахмет Облагу, происхождение которого от племени адыга... В с. Сочипсы в употреблении три языка: черкесский, абазинский и

убыхский». (Секретная миссия... С. 460).

Отметим, что в названии Облагуквадж второе слово квадж является адыгским квадж со значениями «аул, деревня», «население аула». (Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 2006. С. 219). Это адыгское понятие в привязке к абазинскому населенному пункту и целому обществу употреблялось, по крайней мере, уже в первой четверти XVIII в., когда Ксаверио Главани в своем «Описании Черкесии» зафиксировал среди абазин-тапанта топоним (одновременно и название общества) Лауказе. (Главани К. Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. [Далее — АБКИЕА]. М., 1974. С. 160).

Селение Лауказе — очевидно, Лау-квуажэ, то есть «Лоовское селение». Ясно, что речь должна идти не об одном поселении, но о целом ряде поселений, объединенных властью князей Лоовых. В отношении лоовского селения использовалось обозначение Лаукуважэ (форма квуажэ — кабардинская) не только через посредство кабардинцев или бесленеевцев, но и самих жителей этих селений. Так, в 1834 г. в списке пленных, взятых русскими властями с арестованного турецкого судна, фигурирует мальчик Огурле «из мирного аула Лаукоадж, принадлежащего кн. Лоуко Джанхоту (что между Баталпашинском и Кисловодском)». (Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. С. 41).

Казылбек-Куадж, Лаухадж, Бибердухадж отмечены на «Карте Кавказской линии и Главного Кавказского хребта». (Отдел картографирования РГБ. Ко 11 / III-10).

Цебельда, горный сектор Абхазии к востоку от Пеху, занимавший верхнее течение Кодора, был известен адыгам как Хирпс-Куадж. (Люлье Л. Я. Общий взгляд... С. 181).

В 1839 г. морской рейд Михаила Шервашидзе против джигетов описан как рейд против черкесов: «Владелец Абхазии,

ген.-м. кн. Михаил Шарвашидзе, с разрешения моего, предпринимал в конце прошлого апреля, с подвластными ему абхазцами и с помощью 2-х азовских лодок, экспедицию против черкес, обитающих между укр. св. Духа и фортом Александрия, в наказание за делаемые ими на Абхазию набеги. Получив ныне от владетеля Абхазии известие об успехе сего предприятия, поспеваю донести о том в. с. для доклада Е. И. В. Владелец Абхазии с жителями Бзыбского округа, на 7-ми галерах и под прикрытием одной азовской лодки, отплыл от абхазских берегов к укр. св. Духа, где пробыл, за противными ветрами, два дня, в скрытом месте от черкес. Взяв оттуда и другую азовскую лодку, ген.-м. кн. Шарвашидзе, в ночь с 25 на 26 апреля, сделал высадку на черкесский берег в урочище, называемом Хамуширок, в расстоянии $\frac{3}{4}$ пути от укр. св. Духа к форту Александрия. Это неожиданное ночное нападение, при благоразумных распоряжениях кн. Шарвашидзе, увенчано было полным успехом; абхазцы сожгли два аула в расстоянии 5-ти верст от берега, взяли пленных и поживились добычей... Черкесы непрерывно нападали на абхазцев, возвращавшихся с пленными и добычей, но были удачно отражены и весь десантный отряд, сев на галеры, под прикрытием пушечного огня с азовских лодок, благополучно возвратился к 8-ми часам утра 26 числа в укр. св. Духа».

(Репорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 12 июня 1839 г. // АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 179-180).

В «Обзоре политического состояния Кавказа», составленном обер-квартирмейстером генерал-майором Мендом в 1840 г., черкесы состоят из двух больших групп: а) Абадза, в которую отнесены шапсуги (сапсуги большие и малые), натухаевцы (натухаудж), с которыми в одну подгруппу объединены соседние им шебеки, убыхи, абадзехи; б) Адыги, к которым причислены бжедуги, темиргоевцы (кемюргой), егерухаевцы, мохошевцы, бесленеевцы, кабардинцы. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6382. Л. 4 об. — 5 об.).

«Карта Кавказской линии и Главного Кавказского хребта», составленная около 1840 г., в списке черкесских общностей под №№ 14, 15 и 16 упоминает «Убых, Саша, Ардона» со следующим пояснением: Сии народы имеют также названия Джикетов, Пшоавов, Ясхипсивов, Иналькутов, Свэдзвов, Артаковже и Моржавов». (Карта Кавказской линии и Главного Кавказского хребта. Отдел картографирования РГБ. Ко 11/III-10).

В 1840 г. ген.-л. Раевский в числе 6 пунктов по «прочному обеспечению» Черноморской береговой линии указывает на необходимость «возведения форта в Хошупсе, дабы лишить убыхов единственного оставшегося в руках их пункта для производства запрещенной торговли». (Записка ген.-л. Раевского о торговле с горцами и переселении на восточный берег // АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 486).

Хошупсе — река, которая полностью от истоков до устья протекала по садзской территории. Соответственно, в восприятии адмирала садзы и убыхи являлись единой этно-политической общностью. Выход к морю садзов являлся таковым и для убыхов.

В 1846 г. Леонтий Люлье писал о лингвистической ситуации в Убыхии: «...сей последний народ имеет свой собственный язык, не сходный ни с языком Адиге, ни с Абхазским. Это ныне язык черни, употребляемый преимущественно простолюдинами, живущими в горных ущельях и у берега моря. Это наречие выходит из употребления и со временем исчезнет. Дворяне убыхские все говорят адигским языком, но многие из них и простолюдины, в этом крае, находясь по топографическому положению своему в соседстве к югу с абхазцами, говорят также свободно и на языке своих соседей». (Люлье Л. Я. Предисловие к «Русско-черкесскому словарю» (Одесса, 1846). Цит. по: Генко А. Н. О языке убыхов. С. 231). То есть, простолюдины также адыгоязычны, но еще владеют вторым языком — абхазским. Под абхазским здесь, очевидно, надо понимать садзский, притом, что собственно садзское наречие могло отличаться от языка горных абазин этого сектора — ахчипсы или медовеевцев. Но и сами эти общности могли быть под влиянием и, в том числе языковым, убыхов. Через посредство убыхов они могли и должны были знакомиться и с убыхским, и с адыгским языком.

Люлье в 1846 г. засвидетельствовал характер языковой и культурной ассимиляции убыхов,

САДЗЫ – ДЖИГЕТЫ

подчеркнув престижный характер использования адыгского языка. Спустя десять лет Люлье не изменил своего представления: «Со временем язык этот может исчезнуть, по всеобщему употреблению языка черкесского». (Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азегга) и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. IV. Тифлис, 1857. С. 191).

Убыхи сами себя считали адыгами, а вся их знать однозначно воспринимала себя как аристократию адыгского общества. Великолепно это показал Л. И. Лавров в очерке, посвященном Берзекам. (Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. М., 1968. С. 147-151).

Более того, убыхские лидеры возглавляли общеадыгские политические союзы, а общеадыгские съезды проходили в Убыхии. Внешнее название черкесов полностью во всех видах источников поглотило убыхов и многие наблюдатели уже и не задумывались на тему отличия убыхов от адыгов. Теофил Лапинский, находившийся в 1857-1859 гг. в Западной Черкесии, уверенно отнес убыхов к адыгам наряду с натухайцами, абадзехами, шапсугами. (Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В. К. Гарданова. Нальчик, 1995. С. 77).

Н. Карлгоф в 1860 г. отмечал высокую степень интеграции убыхов в адыгское общество: «Кроме того, мы причисляем еще к нашему описанию племя убыхов, которые хотя, по происхождению и языку, вовсе не принадлежат к народу адиге, но по нравам, обычаям, общественному устройству и по всеобщему употреблению у них черкесского языка наравне с природными их языком, могут быть причислены к группе черкесских племен». (Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. Т. 28. М., 1860. С. 522).

Ульрих и Ангелика Ландманн, исследовавшие убыхские селения в юго-восточной Турции в 70-е гг. XX в., отмечают адыгоязычность убыхов, для которых родным языком стал абадзехский диалект адыгского языка. В 30-е гг. XX в. это же обстоятельство отмечал Ж. Дюмезиль. (Landmann U. Akifiye-Byuyukcamurlu. Ubychen-Dorfer in der Sudost-Turkei. Teil 1. Okosituation, Einwohnerschaft, Siedlungsbild und Gebäudeformen // Ethnographie der Tscherkessen. Bd. 1. Esprint-Verlag Heidelberg, 1981. S. 62).

В этом же плане большой интерес представляют генеалогические таблицы, приводимые во 2-й части вышеназванного исследования Ландманнов. Так, род Аджук Берзека в исходной точке имеет такой антропоним как Севебух, от которого происходит Хагагул, породивший Хазеча, Хе-

ротко и Кокаса. В третьем поколении фигурируют такие имена как Хачимаф, Пшигуз, Тух и Хатух. В четвертом поколении доминируют уже мусульманские имена. В линии Бабук-Берзека род восходит к Бабуку, у которого отмечены сыновья Пшимаф-и-дсук (видимо, Пшимафэ цыкылу или маленький Пшимаф) и Тамыш. У Пшимафаука сыновья Хагаг, Зевик, Пшизач, Хаджиомер. У Хатата сын Гирей, от которого произошли Пшутук и Агур. У Зевика – Шекозеч (Шекозетш) и Шакир. У Пшитака (сына Тамыша) – Гумзаг и Карох. (Landmann A. Akifiye-Byuyukcamurlu. Ubychen-Dorfer in der Sudost-Turkei. Teil 2. Untersuchungen zu Partnerwahl und Hochzeitsbrauchtum // Ethnographie der Tscherkessen. Bd. 2. Esprint-Verlag Heidelberg, 1981. См. приложения после 145 стр.). Как видим, для поколения убыхов, живших на Кавказе, наиболее характерны адыгские имена, среди которых следует выделить княжеские имена с основой пши- (пщы «князь»).

Ханс Фогт, исследователь убыхского языка, зафиксировал факт самоидентификации убыхов как адыгов. Кроме того, следует отметить, что убыхи не пользовались термином черкес для обозначения остальных адыгов или, как принято считать, собственно адыгов. Во всех приведенных убыхских фольклорных, этнографических и исторических текстах говорится об адыгах, о себе – убыхах – как части адыгского народа и адыгской страны. Убыхские предания не отделяют убыхов от адыгов, а убыхскую землю – от адыгской земли. (Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh avec Introduction Phonologique, Index Francais-Oubykh, Textes O u b y k h s . O s l o : Universitetsforlaget, 1963. P. 84).

Фактически, убыхи воспринимали себя как субэтническое адыгского этноса. Это восприятие сродни самоидентификации абадзехов, кабардинцев, шапсугов и других адыгских субэтнических общностей. (Ibid. P. 47, 49).

6. Абазины в составе Черкесии.

Абазинские субэтнические подразделения в составе Черкесии сохраняли свою этнокультурную самобытность, но, в то же время, были едва отличимы от адыгов. Политическое, социальное и культурное слияние абазин с адыгами нашло отражение в целом ряде источников. Во введении к главе XVI «Колена, обитающие между черкесами» Хан-Гирей отмечает: «Народы, которых отторгнувшие власти, или колена, живут между черкесами, суть: а) абхазский, или абазинский (см. ниже примечание 40) и б) ногайский. Здесь предлагаются очерки этих колен с той целью, чтобы читатель, ознакомившись с черкесами, имел сколько-нибудь понятия и о тех из жителей Черкесии, которые, не будучи соплеменниками, но, искони обитая между черкесами, состоя с ними в родственных и общественных тес-

ных связях, некоторым образом составляют с ними, так сказать, одно тело, а между тем сохраняют и свой язык и некоторые свои обычаи и нравы». (Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик: «Эльбрус», 1978. С. 213).

Как видим, Хан-Гирей подчеркивал две грани абазинской идентичности – этническую и социально-политическую.

В этом плане весьма показательным является рапорт ген.-м. князя Бековича-Черкасского и полковника Гасфорта, составленный в сентябре 1830 г. и адресованный графу Паскевичу. Впоследствии Паскевич приложил этот рапорт-описание к большому докладу, направленному им министру иностранных дел России графу Нессельроде. По сути, рапорт Бековича-Черкасского и Гасфорта, является комплексным историко-этнографическо-демографическим описанием Черкесии. В данном описании абазинское население рассматривается не просто как часть населения Черкесии, но и как часть адыгов: «К адиге по смежности жительства можно также причислить: а) Абазинцев, называемых алтыкисеками или шестиродными, кои сидят на вершинах оных Зеленчуков, куда они перешли из Большой Кабарды. Весьма лишь малая часть оных осталась в Кабарде на р. Малке и на верхней Куме; но сих последних можно считать уже совершенно покорными. б) Кубанские ногайцы, живущие по левому берегу Кубани, от устья Джегуты до Прочного-Окопа, в соседстве с Хоперским линейным козачьим полком. Оба сии племена хотя и совершенно различны языком и происхождением, но по сходству нравов и обычаев, равно и по родственным связям с разными коленами народа адиге, входят в общее с ними военно-политическое соображение». (Рапорт ген.-м. кн. Бековича-Черкасского и полк. Гасфорта гр. Паскевичу, от 17 сентября 1830 г. [Приложен к Отношению гр. Паскевича к гр. Нессельроде, от 5 июня 1831 г. № 1102]. // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 904-906).

Имея ввиду вышеприведенные источники, не является неожиданным взгляд на этот вопрос Л. И. Цвижба: «Черкесы делились на три основные группы: 1) Адыге. К ним принадлежали абадзехи, шапсуги, натухайцы, бесленевцы, бжедужи, убыхи, джигеты (садзы) – абхазской этнической группы и ряд мелких родов. 2) Кабардинцы. 3) Абхазы». (Цвижба Л. И. Источники взаимоотношений России и народов Северо-Западного Кавказа в XIX веке // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб.: журнал «Звезда», 2001. С. 246).

7. Язык садзов.

В исследовании убыхского языка Ханса Фогта содержится определение языка садзов как языка именно джихов (джигетов) – джыхыбзэ. (Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh... P. 63). Это убыхское определение садзского

языка подтверждает джигетскую идентичность садзов.

Язык садзов был впервые описан Эвлия Челеби в середине XVII в.: «Язык абазо-садзов. – За – 1 (адыг. зы); тока – 2 (адыг. тлу «два», тлоклы «двадцать»); шке – 3 (адыг. цы); пли – 4 (адыг. плы); ату – 5 (адыг. тфы); фун – 6 (адыг. хы); ипли – 7 (адыг. блы); уга – 8 (адыг. и, звучит как йы); ипги – 9 (адыг. бгъу); жу – 10 (адыг. пшы); за жу – 11 (адыг. пшыкызы «одинадцать», дословно «десять и один»); тока жу – 12 (адыг. пшыкытлу «двадцать») и для сравнения: тлоклырэ зырэ «двадцать один»; сха – хлеб; га – мясо (адыг. лы «мясо»); бзи – вода (адыг. псы «вода»); фа – сыр; чевах – простокваша (адыг. цыху «кислое молоко»); ха – груша; мсуд – виноград; лхмк – инжир; эсху – каштан (адыг. шхьомч); лка – каменная соль; вика – иди сюда (адыг. уклон «ты пойдешь»); утс – садись (адыг. о тлыс «ты садись»); удето – встань (адыг. о тэдж «ты встань»); умка – не уходи (адыг. о умыклу «ты не уходи»); сикох – иду (адыг. сэкло «я иду»); сбрикн – куда идешь?; свушкслух – дело есть, иду (первую часть с-вуш-ск можно сопоставить с адыг. си Иоф (culo) сэкло «свое дело (я имею) я иду»); сфага скчо вика – пойдём домой; скену свке – мы идем домой (с-к-ену с-вке вполне сопоставимо с адыг. сэкло унэм сэ «я иду домой»); срход – что с вами? (адыг. сьд ходэ «что/как дела?»); хош год ашгд – мы съели свинью (адыг. кьожь код ашхыгь «свинью/кабана много (они) поели»); аркамд жеху – свинья была жирная? (адыг. а кьор пцэрыгьга «та свинья жирная была?»); вечиле шкног – мы идем воровать (вечиле шкног сопоставимо с адыг. уи чьлэ сыклон/сыкылаз «в твоё село я схожу/сходил»); нала шке гда – куда ушли?». (Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 3. М., 1983. С. 55).

Не может быть простым недоразумением то обстоятельство, что словарь садзов, который в середине XVII века приводит Эвлия Челеби, состоит преимущественно из адыгских лексем. Вполне вероятно, что те словосочетания, которые вызывают затруднение в сопоставлении с адыгским материалом, могут быть сильно искаженными фиксациями (самого Челеби), либо неудачными транслитерациями его переводчиков.

В целом, Челеби в данном вопросе – источник надежный: 1) побывал в земле садзов; 2) мать у Челеби была уроженкой Садза-Джигетии и он имел представление о таких языках, как садзский, абхазский и адыгский. Крайкий словарь абхазского языка («странный и удивительный язык абазы») он приводит перед садзским словариком.

Означает ли адыгоязычность садзов, что они адыги по происхождению? Вполне вероятный исторический сценарий. В XIV веке Садз заполняется черкесскими курганами, а в XVII веке Челеби фиксирует здесь адыг-

скую речь. Но мы не будем торопиться с таким однозначным выводом. (Хоть он и полностью легитимен). Мы предлагаем иной сценарий: Челеби отобразил факт двуязычия садзов. В описании племени он прямо подчеркивает: «Так как [садзы] занимаются товарообменом с северным соседом – черкесами, они свободно говорят на черкесском и абхазском (правильный перевод – абазском, прим. С. Х.) языках». (Там же. С. 50). Отметим, что широкое распространение черкесского языка только по причине торговых связей, осуществлявшихся через высокие и непроходимые зимой перевалы, вряд ли способно полностью объяснить билингвизм садзов.

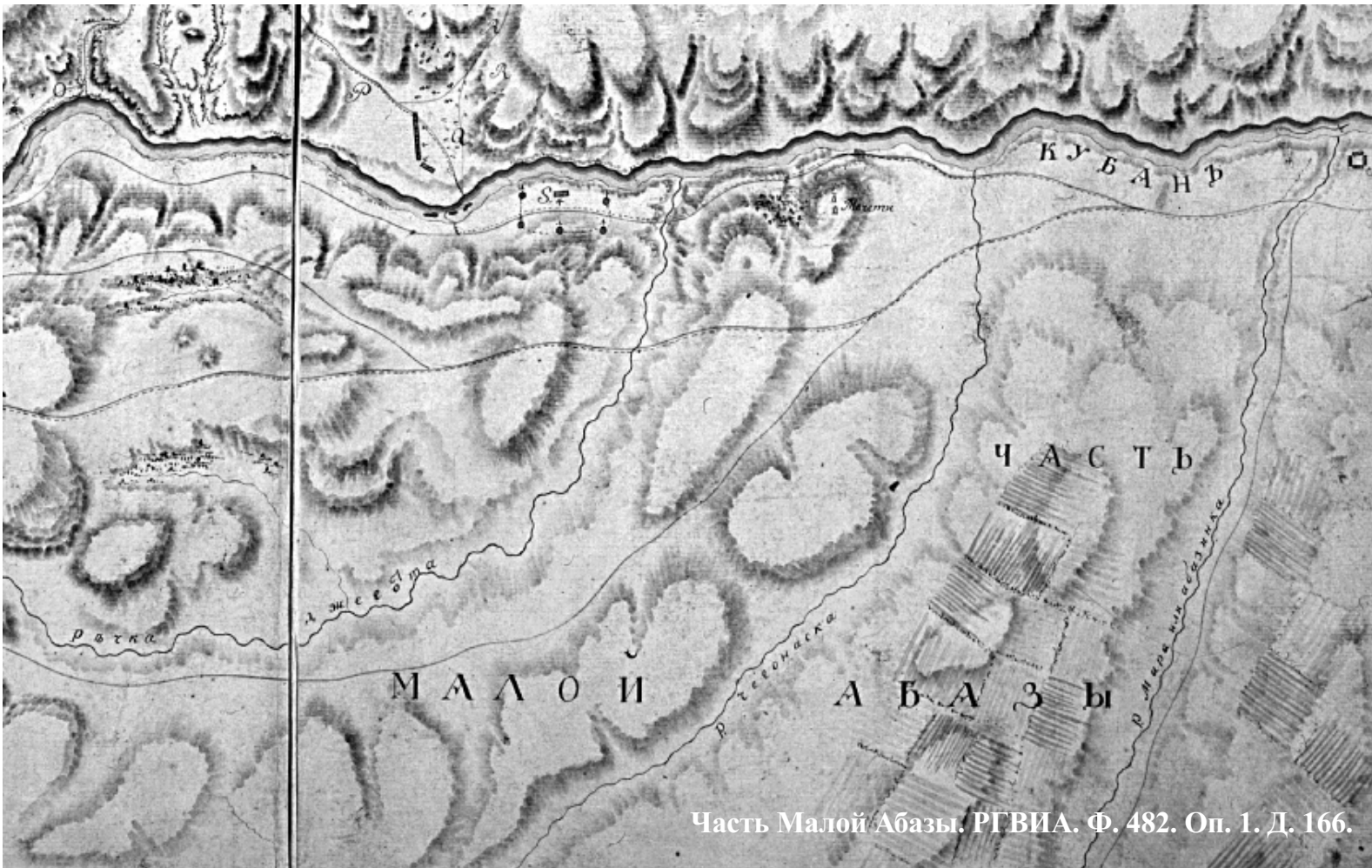
При описании личности знаменитого османского паши садзского происхождения Сейди Ахмет-паша Эвлия Челеби подчеркивает его «абазский выговор» и «черкесский акцент».

Своим пристрастием к игре в джарид Сейди Ахмед-паша доставил многим окружающим и самому Челеби массу неприятностей. «А сколько людей погубили себя, играя с ним в джарид! — Воскликнул Челеби, сам лишившийся четырех зубов от дротика садза. — Однажды султан Ибрахим соизволил повелеть этому Сейди: «Эй, Сейди! Смори не бросай дротиков в моих приятелей-мухасибов. Сейди же со своим абазским выговором отвечает: «Ну, право же, мой падишах! Они бросают в меня, я бросаю в них. Тут шутки плохи. Если они бьют меня по голове, я даю им в зубы». Упоминание абазского выговора или абазского акцента вполне органично сочетается у Челеби с упоминанием, в связи с явно несовершенным знанием Сейди турецкого языка, черкесского акцента: «Гази-сердар не дал им отдышаться и воодушевил всех газиев на бой, воскликнув с черкесским акцентом: «Живо, братья мои! Усердие за вами. Усердие ради веры прославит и вас и меня». (Там же. С. 215).

Ш. Д. Инал-ипа приводит мнение потомка садзов гагрского старейшины Смаила Мкьалба, дед которого Бэхуху, умерший в возрасте 155 лет, говорил еще на садзском языке: «Мои предки были садзами, черкесами, ведь это одно и то же». (Ш. Д. Инал-ипа. Садзы. С. 55).

Комментарий Инал-ипа: «Такие мимоходные утверждения следует, как сказано, приписать неосведомленности их авторов. При всем том, мы должны все же учитывать, что Смаил Мкьалба – один из лучших информаторов по садзам – этнически если не противопоставлял, то определенным образом отличал садзов от остальных абхазов». Инал-ипа следом приводит еще высказывание этого старожилы: «Садзы жили в Гагре, а на востоке от нее – абхазы». «Какое-то их противопоставление само собой вытекает уже из самого факта существования соответственно двух разных этнонимов – одного для обозначения вообще абхазов (апсуа), а другого – отдельно садзов (асадзуа), что находит

САДЗЫ – ДЖИГЕТЫ

Часть Малой Абазы. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 166.

свое определенное выражение и в некоторых фольклорных памятниках». (Там же. С. 55-56).

Л. И. Лавров в период своей этнографической экспедиции в Черноморскую Шапсугию в 1930 г. стал свидетелем возвращения из Абхазии 86-летнего Даугузы Джаурьма, решившего провести последние свои дни среди родственников-шапсугов Джарым. В селе Чилов в Южной Абхазии, где он проживал, он слыл за джигета-садза. В 1864 году абхазы подобрали его вместе с его бабушкой еле живых на берегу: «Так маленький Даугуыз попал в Абхазию, где вырос и состарился. Пока была жива бабушка, она говорила с ним на родном языке, но после ее смерти мальчик позабыл его. Мы молча слушали старика. В заключении он сказал: «... всю жизнь мечтал поглядеть на родные места... Хочу умереть на земле своих предков. Со слов бабушки знаю, что фамилия моя Джарым, а происхожу с берегов р. Ацэпсы». Переводчиком между Лавровым и старым садзом выступил лингвист А. К. Хашба, также приехавший в командировку в Шапсугию. Старик не говорил по-русски, а по-адыгейски знал лишь несколько слов. «Я догадался, - пишет Лавров, - что именно о нем читал у А. Н. Генко следующее: «В июне 1928 г. пишущему эти строки пришлось встретить в абхазском селении Чилов 84-летнего старика, слывшего на джигета... В молодости он был приведен в качестве пленника из Джигетии. При расспросе выяснилось, что, сам не зная этого, старик (звали его Даугуыз Джаурьма) родным своим языком имел черкесский (шапсугское наречие нижнечеркесского языка); хотя и с трудом, он припомнил несколько десятков слов». (Генко А. Н. О языке убыхов. С. 241). Шапсуги Джарым пригласили всех

своих старейшин, один из которых подтвердил взаимосвязь их рода с районом р. Ацэпсы. (Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л., 1982. С. 23-24).

Эта драматичная история информативна во многих аспектах. Разумеется, что шапсугский род Джарым мог, как и многие другие натухайские и шапсугские (и не только) роды, проживать до 1864 года в Садзе-Джигетии, чему есть множество других свидетельств. Но также вероятно садзское происхождение Джарымовых и при этом, будучи садзами, они могли иметь родным языком шапсугский диалект адыгского.

В донесении барона Розена, в 1837 г. возглавившего сводный отряд, действовавший в районе Адлера, сообщается о желании убыхов и садзов вести переговоры на черкесском-кабардинском языке: «Около 2 часов пополудни из толпы горцев подъехал один человек к цепи и просил выслать кого-либо знакомого кабардинский язык. Я послал к нему состоящего по кавалерии корнета Кундухова (не менее показательно, что в качестве знатока кабардинского языка избран осетин Кундухов. - Прим. С. Х.), через которого убыхский старшина Беярслан Берзеков и один из старшин здешних горцев изъявили желание явиться ко мне для личных объяснений». (Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 26 июня 1837 г. № 224 // Акты Кавказской Археологической комиссии. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 874).

Подчеркнем, что в абазинском языке существуют такие фундаментальные понятия как адыгский закон или обычное право – адыгья хабза; адыгская этика – адыгьяга; адыгский этикет – адыгья намыс. (Абазинско-русский словарь / Под ред. В. Б. Тугова. М., 1967. С. 38).

Эти явления языка показывают, что северокавказские абазинцы не просто являлись частью населения Черкесии, но и прямо относили себя к адыгам, считали себя адыгами. Считая себя адыгами, абазинцы подчеркивали свою принадлежность к общеправильному социальному, культурному и политическому пространству.

М. С. Тхайцухов приводит извлеченный им из ЦГИА Грузии список псхувцев, переселенных на северный склон – в Кувинское ущелье на р. Большой Зеленчук. (Тхайцухов М. С. Расселение и численность абазин на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. // Труды Абхазского государственного университета им. А. М. Горького. Т. IV. Сухуми: «Алашара», 1986. С. 33-34). В этом списке в сочетании с абазинскими именами и фамилиями содержится адыгский антропонимический материал: Хаттамух Маршани, Алан Ашибоко, Казилбек Тлис, Аджи Макао, Аджи Хокак, Паго Жир, Шолех Ахба, Аджи Хачер, Аджи Шуко, Зафис Акхао, Тлук Папо, Так Меако, Шолох Козба, Шолех Козба, Шагирук Тахушина, Хабак Адзин, Хабак Эхба, Хабак Кудж, Гричипса Каго, Долатуко Тлис, Туко Кудист, Зефис Джан, Хакуч Ашиба, Шерук Кетоко, Шешеруко Эхба, Эльмурза Хашко, Сабида Шмохо, Шушруко Безюко, Паг Фашо, Хатавшук Жир, Зафис Тажуко, Кочеруко Лапса, Шешеруко Пошухо, Шеко Хатых, Лапшуко Эшба, Уздуко Ахба, Мочало Хабарако.

Антропонимическая традиция псхувцев впитала в себя значительное число черкесских элементов, которые в сочетании с мусульманскими и тюркскими компонентами, включают псхувцев в традиционный мир народов Северного Кавказа.

С. Смоленский, участник по-

хода в Псху в 1861 г., приводит диалоги между абхазцами и русскими, в которых абхазские собеседники обозначали жителей Псху как черкесов:

— Ты верно черкесов не боишься; слышал, что сегодня перестрелка была?

— За речкой черкеза нет.

— А ты сам не был с ними?

— А чем моя работай, палкой? — ответил он, обидевшись. — Моя черкезу не виноват, русской виноват, он на него и работай ружьем. (Смоленский С. Воспоминания кавказца. Бзыбский отряд в 1861 году. (Из походного дневника) // Военный сборник. 1874. № 9. С. 167).

В тексте самого Смоленского псхувцы фигурируют, прежде всего, как абазинцы и, в более общем плане, как черкесы:

— Вам же лучше будет и черкесам тоже, если дорогу сделают; им будет удобнее ездить к береговым местечкам за покупкой товаров и для продажи кукурузы, пальмового дерева и ореха.

— Эх, пожалуйста, не скажи так; русской хочет и черкеза урусом сделать, абазина урусом сделать, всех дзыги-дзыги гуртом солдатом сделать, а землю себе взять. (Там же. С. 168). В этом диалоге речь идет о псхувцах, ахчипсувах и айбговцах, как о черкесах, и о жителях Абхазии, как об абазинах. В другом месте Смоленский говорит о жителе абхазской деревни на Гумисте как об абазине и о псхувце, как о черкесе.

8. Гидронимы с основой -псы в Садзе-Джигетии.
Территория садзов от Сочи до Бзыби резко отличается от Абхазии существованием значительного числа адыгских гидронимов и топонимов. Билингвизм садзов отражен в гидронимах Сочи-пста, Кудепста, Бегерепста, Лапста, Ачипста, Швачапста.

Сочи – Сочипсы – Сочипста. Скорее всего, именно так образовался этот гидроним. (Федоров Я. А. Топонимика Западного Кавказа и некоторые вопросы его этнической истории // Из истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1974. С. 281). Такой же облик могла иметь и Мацеста – Мацепста. (Ворошилов В. И. История убыхов. Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века. Майкоп, 2006. С. 137).

Можно говорить и просто об адыгских наименованиях – таких, например, как гидроним Бжепс, река между Сочи и Адлером. (Рапорт ген.-м. Кухаренко кн. Воронцову, от 28 ноября 1853 г. // АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 641). А. Н. Дьячков-Тарасов отмечал, что Хошупсе – адыгское название. (Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн. XXIV. Вып. 1. Тифлис, 1903. С. 12). Правый значительный приток Хошупсы называется Жеопсе. В этом же ряду рр. Худапсе (второе или первое (?) наименование Кудепсты), Псоу, Бзыбь (убыхский аналог адыг. Псыбэ, Псебай, Псебе и пр.), Пше, Пица, Псырца, Псей (впадает в Рицу), Лашипсы (впадает в Рицу), Псыш (Южный Псыш, приток Бзыби), Псыква (приток Бзыби), Псырс (правый приток р. Юж. Псыш), Ахипс; озеро Инпси, Псырм, урочище Соуипсара, хребет Псырс, гора Псыш, котловина Псху и другие примеры. (Бондарев Н. Д. В горах Абхазии. М., 1981).

Х. С. Бгажба подчеркивал адыго-убыхский облик гидронима Бзыбь: «Основу бзы можно сопоставить с убыхским бзы «вода», «река»; тогда этимологию Бзып можно было бы расшифровать как «устье реки». Данная этимология не является случайной, она находит достаточное подтверждение в названиях рек на убыхской территории: Бзу-гу (бзу «река», гу «середина» - междуручье), Бзы-ч, Бзынч, Бзо-га, Бзи-д. Достаточно пересмотреть топонимику близлежащих областей, особенно современной Адыгеи (или бывшей адыгейской территории), чтобы там обнаружить географические имена с подобным окончанием. Так, например, названия речек, обозначенные на русских картах: Ашампэ, Буапэ, Берендуапэ и Казиапэ». (Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Исследование и тексты. Тбилиси, 1964. С. 255).

По реке Худапсе (Кулепсте) И. Орехов отметил в 1865 г. место, удобное для поселения – «возвышенную поляну» Псага (с вариантом произношения Псаха в его же тексте). (Орехов И. По южному склону Западного Кавказа. (Из путевых заметок) // Военный сборник. 1869. № 11 (ноябрь). С. 161-162). С уверенностью можно считать, что на этом месте до 1864 г. находился одноименный аул. На речке Кеш, притоке Мзымты, Орехов напнулся на неразрушенный аул, расположенный на Убыхской поляне (Убых-Пэф). (Там же. С.

САДЗЫ – ДЖИГЕТЫ

163). Вполне вероятно, что такое наименование свидетельствует о нахождении в этом садзском районе убыхского аула. Выше по течению от Убыхской поляны в 7 верстах отмечен топоним Медовеевская поляна, что совершенно естественно, поскольку верхнее течение Мзымты входило в состав владений Ах-чипсоу. И еще в 20 верстах вверх по Мзымте находится Кбаада.

Объяснение, предложенное Ш. Д. Инал-ипа, согласно которому элемент пс в абхазской гидронимии является следствием существования в древнеабхазском языке слова псы в значении «вода», резко контрастирует с ареалом гидронимов с содержанием псы на территории исторической Абхазии. К северу от Бзыби их очень много, а к югу таковые почти не встречаются. С учетом вышеизложенных источников XVII-XIX вв. гораздо убедительнее, на наш взгляд, является объяснение этого факта через влияние адыгского языка на территории Джигетии.

Н. Альбов отмечал, что для обозначения ряда важных в топографическом отношении объектов, садзы и абхазы пользовались различными топонимами. Это обстоятельство подмечено им для хребта Кыщырга: «название хребта – Кыщырга, совершенно неизвестно абхазцам. Всюду в Бзыбской Абхазии он известен под именем хр. Цендышха». (Альбов Н. Ботанико-географические исследования в западном Закавказьи в 1894 году // ЗКОИРГО. Кн. XVIII. Тифлис, 1896. С. 54). Через хребет Кыщырга, как отмечает Альбов, «в старину... пролегла большая дорога из Абхазии в Черкесские земли». Другой такой же пример – гора Агепста: «Название это, хотя и звучащее по-абхазски, абхазцам совершенно неизвестно. Абхазцы приурочивают к описываемому хребту два названия... Аюмха, или Аюмха-ришха... и Адзитуко». (Там же. С. 59).

9. Археологический облик садзской культуры. Вторая половина XIII-XVI вв.

Туапсинский район в XIII-XVI вв. представлен весьма значительной картой курганных некрополей, обряды захоронения и инвентарь которых представляют нам культурный облик этого региона как важного, многолюдного и развитого центра этнической и культурной истории адыгского народа. (Тешев М. К. Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе на Черноморском побережье Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 142-165).

Отсюда в XIII-XV вв. культура каменных ящиков распространяется на сочи-адлерский регион, пребывавший до того в составе абхазо-картлийского царства (VIII-XII вв.). Этот процесс является свидетельством продвижения адыгского населения в убыхо-абазинский район побережья, который с той поры заметно больше тяготеет к Черкесии и к ее военно-феодалным

и культурным устоям. Понимание этого факта, а именно – увеличения адыгской страны в XIII-XV вв. – весьма важно для анализа садзской проблемы. По выражению Ю. Н. Воронова, сочи-адлерский регион становится «страной курганных могильников». (Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 103-111).

Курганные могильники черкесского типа выявлены в Красноалександровском, Абазинке, Варданэ, Кепше, Аибге, на Красной Поляне. Они содержат типичный «для адыгейских памятников XV-XVI вв.» инвентарь. (Там же. С. 106).

Продвижение адыгского населения, по всей видимости, продолжилось и в XVI в. Вполне вероятен сценарий, при котором эта экспансия адыгов в сторону Абхазии спровоцировала абазинские общности, преемников абазгов, на переселение на северный склон, где они заняли участок от Лабы до Кубани.

Базой для адыгской экспансии в сочи-адлерский район был, прежде всего, насыщенный до предела курганными некрополями туапсинский район. Всего в Туапсинском районе выявлено и обследовано 217 курганных могильников и 20 одиночных курганов. Всего – 10210 курганов. И надо понимать, что в условиях исторической Черкесии «их было гораздо больше». (Тешев М. К. Указ. соч. С. 147).

Благодаря Тешеву мы лишний раз убеждаемся в том, что территория исторической Абадзехии также, вполне вероятно, была отправной точкой адыгского роста в эти века. Только лишь в верхнем течении Пшиша (по его притокам Гунайки и Сеже) и, отчасти, Псекупса Тешевым зафиксировано 49 курганных могильников X-XVI вв. Это очень убедительно говорит нам об очень плотном адыгском-зихском населении исторической Абадзехии в середине века. Таким образом, миграционный вектор исходит из Абадзехии в Убыхию и в причерноморскую Абазу, но никак не наоборот. Создается впечатление, что туапсинский район был очень сильно перенасыщен, и его жители едва удерживались линией абхазских (грузинских) крепостей в Сочи и, как только централизованное абхазо-картлийское царство было разрушено монголами, то рухнула и северная граница, через которую хлынуло зихско-черкесское население.

Д. Э. Василенко в 2003 г. произвел археологические раскопки биритуального курганного могильника «Медовеевка 1» в долине Мзымты, в 0,5 км к северо-востоку от сел. Медовеевка. Как обряды захоронения – ингумационный и кремационный под курганами – так и инвентарь погребений находят полные аналогии на материалах черкесских курганных могильников XIII-XVI вв. с территории Западного и Центрального Закубанья и участка побережья к западу от сочи-адлерского региона. Так, курган 4 могильника «Медовеевка 1» исследователю уверенно относит к «одному из видов западночеркесских погребений восточнопричерноморской груп-

пы курганов. По мнению Е. П. Алексеевой, границами этой группы на черноморском побережье являлись район г. Анапы, на севере, и долина реки Мзымты на юге [Алексеева Е. П., 1979, с. 145-146]. (Василиненко Д. Э. Средневековый курганный могильник «Медовеевка-1» в долине реки Мзымты (г. Сочи) // Наследие Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2008. С. 265).

«Щит из Медовеевского могильника относится к типу щитов, характерных для территории Северо-Западного Кавказа эпохи позднего средневековья. К настоящему времени известны остатки не менее 19 щитов, из них 5 на территории Северо-Восточного Причерноморья, 12 на территории Западного Закубанья [Схатум Р. Б. 2003, с. 223-234; Горелик, 2004, с. 294-300], 2 – в Южном Поднепровье». (Там же. С. 266).

Калачевидное кресало из Медовеевки-1 Василенко сопоставляет с калачевидными кресалами, «известными в средневековых могильниках Западного Закубанья – Белореченском, Ленинохальском и других [Левашова В. П. 1953, с. 179, рис. 3, 24; Тарабанов В. А. 1984, с. 167, 171, табл. II, 13, 14]». (Там же).

Сабля из Медовеевки также полностью соответствуют саблям из могильников Закубанья и Кабарды. «Приведенные данные о погребальном обряде и инвентаре курганного могильника «Медовеевка-1» дают нам основания для расширения территории распространения кремационного погребального обряда в развитом средневековье до долины реки Мзымты и подтвердить тезис Е. П. Алексеевой, рассматривавшей бассейн этой реки как южной границы распространения восточнопричерноморской группы западночеркесских курганных могильников». (Там же. С. 267-268).

В 2009 г. Д. Э. Василенко подводит итоги многолетним исследованиям курганных могильников сочи-адлерского региона и в очередной раз подтверждает их происхождение как результат миграционного процесса с территории Черкесии: «Следует отметить, что все исследованные курганы находятся на местах расселения абадзехских (правильно: абазинских). – Прим. С. Х.) обществ (Торнау, 2008, с. 115, 155-163), что позволяет поставить вопрос о возможности инфильтрации в XIV в. в междуречье Сочи-Псоу части населения, ранее занимавшего определенные территории к западу от этих рек». (Василиненко Д. Э. Погребальный обряд населения междуречья Псоу-Шахе в эпоху средневековья. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 30).

Внедрение черкесских воинских коллективов в Джикети было сопряжено с появлением нового вида клинкового оружия – сабель белореченско-кабардинского типа – длинных, с сильным изгибом и штыковидным острием. В этой связи, достаточно интересно выглядит адыгская этимология этнонима садз как сэдз, где сэ «нож, клинок, сабля» (ср. с позднейшим

сэшхо «шашка», как «нож большой») и дзэ «войско». Таким образом, садзы изначально пришлый коллектив – «сабельное войско». (Этимология предложена моим коллегой Р. С. Кандором).

Выводы. Бесспорно, что садзы осознавали свое этническое родство с абхазами княжества Абхазии, но не менее бесспорно, что они осознавали и свое отличие от апсуа. Обе точки зрения можно и следует примирить. Если садзы – потомки абазгов, то они южные, причерноморские абазины, так как абазины пришли на Северный Кавказ с территории Садза. Сами современные абхазы стали итогом сложения двух больших абазино-абхазоязычных племен раннего средневековья – абазгов и апсилов. Ведущая роль абазгов вполне вероятно ввиду того, что Абхазское царство называлось царством Абазгов. В этом плане садзов действительно можно рассматривать как северных абхазов. А внутри Абхазского княжества гудаутских абхазов считать в большей степени потомками абазгов, а очамчирских абхазов – в большей степени апсилами.

До XII в. включительно часть убыхов и все садзы находились в орбите политического и культурного влияния Грузинского царства, а граница с Зихией охранялась сетью крепостей. До Грузинского царства этот район был в составе Абхазского царства.

С середины XIII в., когда произошла полная дезинтеграция абхазо-картвельского царства, от Тифлиса отпали Имеретия, Мегрелия, Абхазия, Гурия, Абхазия, Джигетия (Садз). И, если Абхазское княжество во главе с Шервашидзе-Чачба было вынуждено считаться с более сильным соседом в лице Дадияни, то Джигетия стала полностью независимой, от любых поползновений из Грузии или Мегрелии, территорией. И этот период независимого существования Джигетии тесно связан с интеграцией ее в черкесское этно-политическое пространство, с процессом появления на ее землях черкесских воинов, оставивших материальные следы своего пребывания в виде курганных могильников кубанско-белореченско-пятигорско-кабардинского типа. Более того, само Абхазское княжество сумело освободиться из-под навязчивой опеки Мегрелии и впоследствии сохранить фактическую независимость, во многом, благодаря неизменной военной поддержке Джигетии.

В названии Джигетия (Джикети) мы не можем не увидеть грузинское произношение искомого старого этнического наименования зих-Зихия. Грузинские источники всегда очень четко отделяли пространство за Бзыбью от Абхазии. В античной географической и этнографической номенклатуре названий зихи были северными соседями абазгов. Впоследствии, в раннем средневековье, на территории, по крайней мере, от Туапсе до устья Кубани сложился зихский племенной союз и появилось название единой страны – Зихии.

Помимо адыгов, Зихия могла и, вероятно, включала в свой состав часть убыхского и садзского-абазгского населения. По этой причине грузинские авторы по многовековой традиции продолжали именовать садзов (и, видимо, убыхов) джиками-зихами. Важно заметить, что в XIV-XV вв., когда грузинские авторы часто упоминают Джикети и джиков, как северных соседей абхазов, эти же авторы упоминают к северу от джиков черкесов и Черкесию, как самую значительную страну Северо-Западного Кавказа. И еще важно, что Черкесия в это же самое время византийскими, италийскими и другими западными авторами именуется по-прежнему Зихией. Для Галонифонтибуса в 1400 г. есть только две страны на абхазо-адыгском побережье: Черкесия (Зихия) и сразу за ней Абхазия. Для Интериано в 1500 г. есть Зихия (она же Черкесия) и Авогация (Абхазия): эти две страны непосредственно граничат друг с другом на побережье. Таким образом, территория садзов-джигетов была в восприятии сторонних наблюдателей частью большой Зихии-Черкесии.

В период Кавказской войны территория Садза-Джигетии очень четко соотносится с Черкесией и считается в массе русских и иных источников частью Черкесии. (См. значительный корпус документов сборника: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953. №№ 41, 43, 45, 58, 65, 66, 89 и др.).

На садзской земле проходили общеадыгские политические собрания. Садзы были тесно интегрированы в политическое и культурное пространство Черкесии. Можно с уверенностью сказать, что садзы представлены своей звездой на черкесском знамени. Садзы входили в состав черкесского государственного образования, организованного Мухаммед-Амином в 50-е гг. XIX в. Садзы затем, в 1861-1864 гг. входили в состав Меджлиса Волности Черкесской или Сочинского Меджлиса. Они разделили историческую судьбу адыгов. Фамилии садзского происхождения живут ныне в Абхазии, в Адыгее и среди причерноморских адыгов-шапсугов.

Поэтому в исторической памяти адыгов сочинский район считается такой же адыгской землей, как и другие районы исторической Черкесии – Адыгэ Хэку. Адыгская идентичность была не только этнической, но и гражданской, политической. Черкесия была конфедерацией равнинных княжеств и горских сопредельных братств-союзов. Адыги осознавали единство не только этноса, но и страны. Содержание исторических источников – письменных и археологических – полностью подтверждает реалистичность народной памяти.

В заключение этого краткого очерка еще раз подчеркнем главный вывод: садзы – абхазо-адыгский этнос, в этническом и лингвистическом отношении близкий и абазинам, и абхазам, и адыгам.

С. Х. Хотко.